

УДК 161.111

Г.П. Балабанова

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА ПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО В ЧЕЛОВЕКЕ

На протяжении всего 20 века наблюдался живой интерес к понятию культуры среди философов самых различных направлений и школ. С приходом нового столетия интерес к этой теме отнюдь не уменьшился, а может быть, в чем-то и возрос. Это можно объяснить прежде всего двумя обстоятельствами: во-первых, нарастающим духовным кризисом в самих основаниях постмодернистского культурного сознания, во-вторых, процессами глобализации, которые все более чувствительно сказываются на судьбе так называемых локальных, региональных культур. Возникает потребность вновь и вновь – в историческом контексте сегодняшнего дня – посредством философской рефлексии обращаться к анализу как самой сущности культуры, так и к вопросам ее динамики [1].

Два широко известных в 20 в. подхода к пониманию культуры – адапционный и идеационный – в контексте реалий сегодняшнего дня нуждаются в серьезном переосмыслении. С точки зрения первого подхода (А. Гелен), культура – это прежде всего совокупность целей, средств, посредников и результатов *деятельности людей*, направленной на целесообразное преобразование окружающих природных и социальных условий. Производство культуры, таким образом, отождествляется здесь со *спецификой* человеческой деятельности и к ней относится все, что от нее производно. Человек – по своей природе «недостаточное» существо, он не имеет своей экологической ниши и изначально находится в дисгармонии с окружающим миром. Человек несет на себе груз ответственности за собственное выживание и самоопределение. Мировоззренческие ориентиры А. Гелен рассматривает с точки зрения адапционно-утилитарных мотивов материального обеспечения жизни. Действие – это планирующее изменение действительности. Как полагает А. Гелен, совокупность измененных или вновь созданных фактов вместе с необходимыми для этого средствами – как «средствами представления», так и «вещественными средствами», - можно назвать *культурой*.

«Не состоявшись» для естественно-биологического образа жизни, человек вынужден создавать вокруг себя искусственную среду обитания, особое пространство своего жизненного мира - антропосферу. Культура как преобразованная человеком среда обусловлена универсальной функцией его продуктивной адаптации к природе как аутентичного способа позиционирования своего бытия в мире. Результатом продуктивного отношения человека к природе являются феномены культуры, или артефакты, т.е. процессы и образования креативного происхождения, которые представляют собой опредмеченные

результаты человеческой деятельности. Мир артефактов - защитно-адаптационный слой культуры.

Идеационный подход (П. Сорокин) рассматривает культуру как ментальную сферу неотъемлемых от экзистенциальных потребностей человека смысложизненных значений. Смысловые значения конституируются в сознании человека, когда он в соответствии со своими экзистенциальными потребностями осмысливает реальность бытия, при этом непосредственно с ним взаимодействуя. Любой вид человеческой деятельности связан со смыслом и представляет собой практический способ его опредмечивания. Создание новых актуальных смыслов выступает перманентной целью человеческой жизнедеятельности. Все сферы жизни человека проникнуты смыслом, образующим культурную составляющую его бытия. Объекты опыта начинают быть феноменологическим выражением человеческих качеств, становясь тем самым значимыми объектами и вписываются в контекст продуцируемого сознанием человека ценностно-смыслового дискурса. Ценности предстают как ментальные репрезентации реальности. Таким образом, идеационная концепция акцентирует внутренние побудительные мотивы культуротворческой деятельности человека, сводя их к феноменологии ценностно-мировоззренческих диспозиций его мышления.

Культура - аксиологическая сфера человеческого бытия. Действие человека всегда имеет свой ценностный смысл, заключающийся в его ориентации на соответствующую «идеальную модель». Э. Агацци различает целенаправленное и ценностно-ориентированное поведение. Поведение животного также можно назвать целенаправленным, но только человеческий разум обладает креативной способностью пользоваться идеальными объектами именно таким образом, что они могут стать для него целями жизнедеятельности. Как мировоззренческий ориентир человеческой деятельности в ее стремлении к совершенству, идеал, который как высшая смысложизненная ценность в полной мере недостижим, выступает перманентным побудительным аттрактором перехода этой деятельности на более высокие уровни креативности. Духовность предстает как перспективная (сверхутилитарная) сфера высших смысложизненных ценностей или идеалов, выражая перманентное стремление человека к совершенствованию всей тотальности своей жизнедеятельности в мире, неотъемлемой от целостности человеческой природы [2].

Ф. Энгельс один из первых поставил вопрос о пространствах производства человеческого в человеке, он сказал: труд создал человека, труд - это та специфически человеческая сфера его бытия, которая способна конституировать все основные родовые свойства человека. Но, сказав это, марксизм тут же пришел в противоречие с самим собой: ибо в мире товаро-денежных отношений труд на самом деле «отчужден», т.е. ведет, скорее, к деградации человека, чем к полноценному существованию, нельзя же, в самом деле, сказать, что чем больше раб на галерах работает, тем больше он становится человеком (это была бы очень удобная философия для эксплуататоров). Марксисты стали в связи с этим говорить о «свободном труде». На самом деле вопрос этот следует рассматривать в другой плоскости. Во-первых, труд никогда не был и не является самой главной сферой

становления человека, во-вторых, труд действительно заключает в своей природе универсальное начало (ведь он предполагает принцип объективности, добросовестность, увлеченность и т.п.) и в этом смысле вполне может при определенных условиях был одной из сфер производства человеческого, но это особый разговор.

Здесь возникает более важная и общая проблема: каковы действительно основные пространства производства человеческого? И тут одной из первых мы обнаруживаем сферу игры. Ребенок играет (даже если ему это запрещают). Кажется, что он занимается абсолютно бесполезным делом (как говорится, чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало). На самом деле он занимается самым главным делом на Земле: он производит в себе человека. По сравнению с этой работой все остальные занятия взрослых (коммерция, бизнес, государственная служба, презентации, войны) кажутся не столь уж важными, а иногда даже отвратительными. Ребенок играет? Посторонитесь все остальные. Это процесс священнодействия: в нем зарождается таинственный процесс приобщения к чуду быть человеком. Но играют и взрослые. Хейзинга говорит, что суть культуры – в ее игровом начале. «Человек играющий». Рассмотрим этот тезис. Игра – самое бесполезное занятие человека (хотя люди умудрились и на игре делать бизнес). Игра по определению не предполагает какой-то конкретный прикладной результат, она вне столкновения материальных интересов. Но именно поэтому она становится универсальной самоцелью, она имеет свои объективные структуры и смыслы (например, игра в шахматы). Другой формой производства человеческого является школа. Здесь ребенок тоже «играет», ибо это занятие не приносит родителям никакой пользы (но требует от них больших материальных затрат). Но это тоже великий процесс очеловечивания человека. Зачем ребенку нужна теорема Пифагора или «образ Печорина»? для его будущей жизни? Чтобы адаптироваться в мире социума, ему это абсолютно не нужно. Все это преподается детям скорее по привычке и по традиции, чем по здравым соображениям. Но этот извечный консерватизм средней школы на самом деле большое везение для культуры и человека. Ведь в принципе школу можно легко трансформировать, сделать ее более практически направленной, приземленной, деловой (Америка во многом идет по этому пути развития школьного образования). Но и сейчас мы встречаем факты отчуждения в сфере обучения, в этом же случае это станет фатальным. Школа как пространство производства человеческого погибнет безвозвратно.

В связи со сказанным следует подчеркнуть, что концепция культуры как универсального начала [3] позволяет дать ясный ответ на вопрос: почему фундаментальная наука есть часть культуры? Потому что она занимается чем-то принципиально «избыточным», постигая тайны мироздания. Становится понятным также факт, который все принимали интуитивно, но не могли объяснить: почему безграмотная старая крестьянка может быть культурной, а эрудит с университетским образованием лишь «образованцем»? А дело все в том, эта крестьянка освоила культурные начала – мораль, милосердие, доброту, уважение к знанию, к религиозным ценностям и т.п. и живет в соответствии с этими культурными началами, а «образованец» усвоил лишь сумму знаний в отрыве от

своего личностного стержня. Здесь же мы находим объяснение и другому более важному феномену: почему архаичные культуры могут быть, во-первых, названы именно культурами, а во-вторых, почему они самоценны до сих пор? Да потому, что они соответствуют основному критерию культуры: они устремлены в небо, в Космос, в бесконечность. Да, у них своя ценностная парадигма, свое исторически преходящее толкование универсального, но это уже совсем другая проблема. Важно, что они есть деятельность по освоению универсального.

То, что совершенно не интересует большинство людей, т.е. экономического одномерного человека – культура и ее ценности, оказывается тем единственным, что по настоящему интересно потомкам. Разве нам интересно сегодня, как плутовали торговцы в Древнем Египте, как убивали друг друга за кусок хлеба в Древнем Риме, как объедались и утопали в неге и безделье богатые в Древней Греции? Нет. А вот как они строили храмы, чтобы поклоняться своим богам, как их волновало звездное небо, что они думали о вечности и бессмертии, как они переживали красоту природы – вот это все продолжает будоражить наше воображение до сих пор. Конечно, в истории нас интересует не только культура, но и экономика, и военные сражения, и политические отношения. Все это нас интересует уже хотя бы потому, что культурное сознание в силу своей изначальной универсальности интересуется не только культурой, а всем, что есть, но все же культура здесь стоит на первом месте.

Людей высокой культуры на Земле – и в прошлом, и в настоящем – не так уж много. Кроме того, любой индивид как многомерное существо часто не может быть механически отнесен к той или иной категории, здесь есть тысячи переходных звеньев. «Идеальные типы» людей той или иной категории встречаются редко. И все же мы должны решительно сказать, что, по крайней мере, сегодня культура не в моде. И не случайно мы видим критику культуры в постмодернизме, критику самой идеи человека как просветительского проекта. «Человек умер». Суть-то в том, что человек в качестве существа, «соответствующего своему понятию», никогда и не рождался как массовидный феномен. Хотя в традиционных культурах, человек, по видимому, больше соответствовал своему тогдашнему идеалу. Сегодня мы живем в облаке мифа о человеке как о культурном существе. Здесь все путает употребление слова «человек». Мы говорим: человек универсален. Однако в такой манере говорить есть двусмысленность. Верно сказать: человек в принципе по своим родовым качествам может стать универсальным, имея в виду отдельную личность. Но не каждый способен состояться как человек. Но путаница слов создавала видимость в рамках просветительской идеологии, что все люди универсальны так или иначе. Создавалась видимость отсутствия проблемы, между тем, «человек умер». Вот с этим-то мифом мы и должны покончить сегодня. Эмпирически данный индивид вовсе не универсальный, не бесконечный, ибо живет миром конечных целей и интересов. И вовсе не помышляет стать человеком. При этом не следует путать культурные категории и социальные, но аналогичные. С социальной точки зрения каждый эмпирический индивид должен рассматриваться как человек, у него должна быть свобода, права человека, он должен иметь право на искусство, образование, культуру и т.п. Но все эти категории в данном контексте имеют чисто

социальный смысл. Разумеется, они могут быть проанализированы и с культурологической точки зрения, и тогда окажется, что здесь свобода, образование, культура, религия, истина, творчество имеют совершенно иной смысл. Поэтому разговоры об «экономическом человеке», о бездуховности массового сознания не должны никак затрагивать социальное бытие индивида. Единственное, что должно обеспечить «демократическое общество» - это права гражданина на приобщение к подлинной культуре, право на создание гражданских пространств производства человеческого в человеке.

Сегодня мы наблюдаем процесс выпадения из культуры целых сфер и пластов человеческого бытия, например, сфера сексуальных отношений, любовь все больше и больше становится эмансипированной от культуры и с ошеломляющей быстротой становится индустрией секса. Между тем, например, древнеиндийская культура любви (кама-сутра) пыталась всю сферу этих отношений погрузить в культурный покров высоких космических смыслов (тантрическая любовь). То же, хотя и в другом контексте, делала русская классическая литература.

Культура - это точка пересечения человека и мира, точка их тождества, в которой «человек в мире», а «мир в человеке». Культура - особый способ освоения мира человеком, со своими методами деятельности, нормами и идеалами. Существуют два основных способа отношения к миру и освоения мира: 1) предметно-практический, 2) объектно-теоретический. Первый предполагает, что индивид в своей деятельности преследует свои субъективные цели. Здесь цель - удовлетворить свои жизненные потребности - в пище, жилище, одежде, продолжении рода, удовлетворить свои желания в сфере материальных и чувственных интересов. В этой сфере все, к чему прикасается человек, становится либо предметом потребления, либо орудием для производства предметов потребления. В этой сфере человек принципиально не отличается от животного, которое также озабочено поисками пищи, жилища, отдыха, продолжения потомства. Человек здесь отличается только тем, что он применяет *орудия труда*, но также, как и животное, он относится к миру абстрактно - как к набору «полезных» или «бесполезных» вещей, «полезных» и «вредных» растений. Здесь бесконечные в себе объекты природы выступают лишь как «частичные», абстрактные предметы, в узких границах своей полезности для человека. В этом мире есть и своя истина. Это то, что полезно, что работает на практике, что оправдывается с точки зрения предметно-практической деятельности. В этой сфере есть категории:

- польза как цель: производство полезных вещей,
- применение (и создание) орудий и средств деятельности,
- разработка, изобретение технологий деятельности, секретов мастерства (уже в простейших трудовых операциях мы должны пользоваться навыками и алгоритмами деятельности, т.е. технологиями)

В исторически развитой форме эту сферу можно назвать *техносферой*. Современная технократическая цивилизация создала гигантскую и все расширяющуюся техносферу человечества. Очевидно, что производство должно давать не только полезные вещи, но и быть достаточно эффективным, чтобы траты на производство не превышали траты на воспроизводство жизненных сил

работника. Хитрость здесь состоит в том, чтобы использовать не только энергию работника, но и дополнительные, дешевые источники энергии в природе - огонь, ветер, вода, пар, электричество, уголь, нефть. Второе - использовать не деградированное бесформенное вещество в качестве сырья для продуктов потребления, а готовые, высококачественные блоки бытия - зерно, овощи, фрукты, мясо. Человек не производит их с нуля, с химического уровня, а лишь слегка обрабатывает их для употребления. Техносфера неизбежно дополняется миром экономики. Это - отношения между людьми по поводу полезных вещей (производство, обмен, потребление и т.п.). Экономика дополняется системой власти, обеспечивающей устойчивый порядок родовой и экономической жизни людей. Легитимация власти порождает право, государство, социум.

Объектно-теоретический способ освоения действительности представляет собой качественно иную сферу человеческой деятельности, здесь человек относится к вещи как к *объекту*. Это отношение может быть по форме созерцанием (созерцательная наука), когда субъект не воздействует на объект, это может быть активным экспериментированием с реальностью, но при этом сохраняются интересующие нас параметры. Но первое, что делает эта форма освоения, так это решительный выход за пределы мира «вещей для нас», того мира, который задан субъективностью индивида, его отношением к миру как к «пользе». Преодоление субъективного ведет человеческую мысль на просторы объективного, на постижение многомерности мира и объекта. А как же быть с практикой как критерием истины и целью познания? Дело в том, что этот тезис был выдвинут в середине 19 в., т.е. в специфическую историческую эпоху, когда в сгиле мышления господствовала идея активизма и преобразования мира. Это - во-первых, а, во-вторых, в этот момент «теория» действительно часто отрывалась от жизнедеятельности людей, ударялась в схоластику, необходимо было спрямить эти две линии развития - теорию и практику, в-третьих, поскольку мир един, то практика и в самом деле может быть одним из критериев истины. Кстати, не следует экспериментальную деятельность ученого называть практикой в указанном смысле слова, ибо практика есть только там, где речь идет о человеческих интересах и проблемах, где нельзя абстрагироваться от человеческого фактора. Не всякое взаимодействие с реальностью есть практика, а только *предметное*, где мерой оказывается материальный аспект бытия человека, разумеется, практика содержит в себе объективную составляющую, предметность. Поэтому она, во-первых, может быть критерием истины, (хотя и относительным), а во-вторых, может выводить человека к объективности, универсальности, которая заложена уже в самом орудии труда, в самом труде.

Объектно-теоретическое и объектно-духовное освоение мира - это и есть культуросфера. Здесь свои смыслы, ценности и методологические регулятивы. Именно в этой области формируются пространства производства человеческого в человеке - семья, школа, университет, храм, музей, театр, библиотека, научная лаборатория и т.п. Здесь - культ «мирового разума» и «абсолютного духа» (Гегель), культ образования, добра, истины и красоты. Дело вовсе не в идеях и концепциях об абсолютной истине, универсальном и автономном разуме (Декарт) и т.п. Это - не

главное, суть в методологической установке и в поисках соответствующих познавательных средств, которые обеспечивали бы достижение универсальных целей. Культура поэтому - это не поток идей, мифологем, фантазий, это особый тип деятельности по производству человеческого в человеке. Это взаимодействие со всеми типами реальности и типами объектов, включая природные, материальные объекты, можно сказать поэтому, что это антиутилитарная, антипрактицистская *практика*. И лишь осознав в полной мере, что культура есть все же «практика», мы можем сделать следующий шаг и рассмотреть соответствующие формы рефлексии над культурой - философские теории, модели, картины мира, мифы. Результаты такой рефлексии, в свою очередь, также, как правило, выступают как *продукты культуры* и также могут осмысливаться в метатеоретическом плане.

Список литературы

1. Каган М.С. Философия культуры. – СПб., 1996.
2. Ортега-и-Гассет Х. Философия. Эстетика. Культура. – М., 1993.
3. Лазарев Ф.В. Славянское древо: книга судеб. – Симферополь, 2003, с. 204 – 212.

Поступило в редакцию 7.03.04